

МЖВ

Иллюстрированный
Журнал
Литературы

политики и современной жизни.

г. XXXVII

XXXVII.

№ 40

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 №№ „Парижских мод“ и 12 листов чертежей и выкроек.

1906

Выдасть 7-го октября 1906 г.

Подписная цена съ достап. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Цена этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Въ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за октябрь 1906 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1906 г. съ 31 рис. и отдѣльными листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 17 рис. для выжиганія.

Голова. Картина Франца Штука, гравюра Риперта.

На Нѣмецкой слободѣ.

(Квиринъ Кульманъ).

1869.

Историческая повѣсть

А. Осипова.

I.

Лѣтній, жаркій день...

Въ новой аптекѣ, находящейся въ Гостиномъ дворѣ, ни души. Яркое солнце весело играетъ на хрустальныхъ флаконахъ съ пробками, украшенными золотомъ, и зайчики прыгаютъ по потолку. Въ открытыя окна доносится отдаленный гулъ голосовъ и стукъ колесъ большого города, хотя, благодаря лѣту, движеніе, даже въ шумной Москвѣ, затихало. Снуютъ мухи, жужжать и ищутъ себѣ пищи, которой въ аптекѣ, гдѣ пахнетъ такъ сильно по всегда всякими приносыми, не мало. Одна изъ мухъ, помысливъ, подобралась къ старому аптекарю, задремавшему въ тиши, и дерзко побѣжала по его лысинѣ. Еще мгновеніе — и она перебралась на лобъ, спустилась на горбатый носъ, потомъ на гладко выбритую губу, но тутъ аптекарь почувствовалъ щекотаніе ея тонкихъ лапекъ, втянулъ въ себя воздухъ, громко чихнулъ и проснулся.

Одно мгновеніе онъ не могъ придти въ себя, но потомъ протеръ глаза, сладко зѣвнулъ и всталъ...

Истома лѣтняго дня разморила его, да и дѣлать было печего. Въ придворную аптеку иногда заглядывалъ кто-нибудь изъ князей или бояръ, а сюда только утромъ ходятъ съ записками отъ врачей, да и то рѣдко, а между тѣмъ больныхъ въ городѣ порядочно, и помочь имъ было бы возможно, такъ какъ аптека обставлена хорошо. Много выписываютъ всякихъ медикаментовъ изъ-за границы черезъ Архангельскъ и въ своихъ аптекарскихъ садахъ разводять всякія травы и корни. Садовъ этихъ трое: первый — и важнѣйшій — около Каменнаго моста, подъ самой городской стѣной, другой — у Мясницкихъ воротъ и третій — близъ Нѣмецкой слободы. Кромѣ того, привозятъ еще немалое количество всякихъ цѣлебныхъ травъ и изъ села Измайловскаго, и изъ селъ, принадлежащихъ патриарху.

Аптекарь вспомнилъ о той важности, которую придаютъ русскіе всѣмъ этимъ травамъ, и тѣмъ описаніямъ, которыя дѣлаютъ имъ. Ничего люди не знаютъ, всего боятся и во всемъ видятъ проявленіе нечистой силы. И старикъ даже разсмѣялся. Полное добродушное лицо его пошло складками. Онъ досталъ изъ кармана своего лѣтняго кафтанчика трубку, набилъ ее хорошимъ, крупной крошки, голландскимъ табакомъ и съ наслажденіемъ затянулся.

Хорошо!

А еще лучше было бы пойти домой, къ себѣ въ Нѣмецкую слободу, и посидѣть въ бесѣдкѣ. Зелени много, продуваетъ вѣтерокъ...

Но нельзя, надо досиживать свое дежурство. Облѣнился онъ здѣсь, въ московскомъ царствѣ. Прежде тамъ, у себя на родинѣ, какъ работалъ, а теперь черезъ день дежурить въ очередь съ Зертельгастомъ, другимъ аптекаремъ, и то тяжело становится.

И старикъ медленно, намѣренно не торопясь, куритъ трубку. Синеватыя кольца дыма распыливались въ полосу, тянулись къ окнамъ и выползали, долго еще не расходясь въ знойномъ неподвижномъ воздухѣ. Мухи такъ и сновали... гдѣ-то далеко слышалась тоскливая, однообразная пѣсня. И старикъ задремалъ снова, но уснуть ему не удалось, такъ какъ около самыхъ дверей аптеки послышались голоса. Затѣмъ дверь открылась, и на порогъ показались трое людей... Достаточно было одного взгляда на пришельцевъ, чтобы убѣдиться, что всѣ они изъ Нѣмецкой слободы. Одинъ былъ Зертель-

гастъ, другіе два незнакомые. Зертельгастъ, тоже аптекарь, поздоровался со своимъ сослуживцемъ и представилъ ему неожиданнаго гостя:

— Doctor Gregorius Carbonarius!

Докторъ поклонился аптекарю. Это былъ красивый мужчина съ тонкими закрученными усами, продолговатой бородкой каштановаго цвѣта, съ живыми смѣющимися глазами и изящно очерченными ртомъ. На немъ былъ кафтанъ сиреневаго цвѣта, черезъ плечо перевязи со шпагой, на ногахъ бархатныя шаровары и желтой кожи сапоги съ раструбами. Снятая съ головы шляпа съ загнутымъ полемъ была украшена перьями.

— Мы давно ждали васъ, докторъ, — сказалъ аптекарь: — и, говоря откровенно, потеряли даже всякую надежду на вашъ пріѣздъ. Московія такая печальная страна, въ ней живется такъ трудно, что не всякаго потянетъ сюда! Дикіе нравы, жестокіе люди, потому ихъ варварскій языкъ...

— Последнее меня не пугаетъ, — прервалъ докторъ: — потому что я изъ владѣю.

— Вы?

— Да! правда, немного, но скоро окончательно справлюсь. Надо вамъ сказать, что я знаю нарѣчія славянскихъ народовъ. Но, дѣйствительно, вы правы, страна производитъ унылое впечатлѣніе. Населеніе малочисленно, дорогъ никакихъ, города похожи на села, жители смотрятъ на проѣзжихъ не то съ недоверіемъ, не то съ ненавистью... Потомъ намъ рассказывали о разбойникахъ, о грабежахъ... Я человекъ науки, и хотя и умѣю владѣть шпагой, но никому не пріятно встрѣчаться съ этими господами. Я бы не похалъ, но это было желаніе императора Леопольда, выраженное мнѣ черезъ рейхсканцлера графа Кенигзага. Ему писалъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, просилъ о присылкѣ врача, а отказать такому вліятельному лицу было, конечно, неудобно.

— Да и невозможно! — сказалъ аптекарь Гутбиръ: — потому что теперь Василій Васильевичъ Голицынъ является полновластнымъ бояриномъ. Цари Іоаннъ и Петръ не могутъ, конечно, править московскимъ государствомъ. Одинъ изъ нихъ боленъ...

— Неизлѣчимо?

— Слабоуміе!

— А! тутъ даже наша наука, нашъ божественный Гиппократъ былъ бы безсильнъ! — улыбнулся докторъ.

— А другой еще юноша и отличается цвѣтущимъ здоровьемъ, по его занимаетъ, кажется, больше игра въ солдатики, чѣмъ что-либо другое. Ясно, что всѣми дѣлами править царица Софія, а за ея спиной стоитъ Голицынъ.

Докторъ кивнулъ головой.

— Но впечатлѣніе скуки и дикости, — продолжалъ онъ: — было въ значительной степени смягчено тѣмъ, что судьба послала мнѣ совершенно неожиданно спутника, благодаря которому я совсѣмъ не замѣтилъ трудностей дороги. Позвольте вамъ представить, почтенный алхимистъ, моего новаго друга — Квирина Кульмана.

Аптекарь поклонился, но изумленіе отразилось на его лицѣ. Кульманъ какъ будто не слышалъ только что произнесенныхъ словъ. Глаза его были неподвижно устремлены вдаль, онъ точно внимательно вглядывался во что-то, а на лицѣ отражалось выраженіе высшего блаженства... Самая наружность его привлекала вниманіе.

Одѣтый во все черное, худой, стройный, онъ съ перваго взгляда могъ показаться юношей, но при внимательномъ изученіи его лица бросалась его блѣдность, его глубокое страданіе, оставившее слѣды въ цѣломъ рядѣ морщинъ и въ углахъ рта, скорбнаго и способнаго говорить только или ѣдкую укоризну, или не менѣе жестокую правду. Глаза Кульмана горѣли огнемъ; большіе и черные, глубокие и таинственные, они отъ времени до времени вспыхивали какими-то искрами, и тогда блескъ ихъ становился нестерпимымъ и страшнымъ, но потомъ разомъ гасли, и, казалось, Кульманъ въ эти мгновенія уходилъ въ глубь самого себя... Весь внѣшній міръ исчезалъ для него, и онъ жилъ только своимъ внутреннимъ.

— Кульманъ! — повторилъ Карбонарій.

Онъ не отвѣтилъ.

Тогда докторъ положилъ ему руку на плечо. Онъ весь затрепеталъ, какъ подстрѣленная птица.

— Что вы?

— Другъ мой! о чемъ вы задумались?

— Ахъ, я былъ далеко отъ этой земли. Въ совершенно другомъ мірѣ! Я слышалъ пѣніе ангеловъ, я созерцалъ небесную красоту... Я былъ счастливъ, и вы вдругъ такъ грубо вернули меня въ этотъ міръ!..

— Я не знаю! Вотъ алхимистъ и аптекарь Юганнъ Гутбиръ хочетъ пожать вашу руку.

Кульманъ остановилъ свой взглядъ на добродушной физиономіи аптекаря.

— Вы?

— Да, я!

— Я васъ гдѣ-то видѣлъ...

Аптекарь удивился.

— Не можетъ быть! Я уже нѣсколько лѣтъ здѣсь, въ этой Москвѣ!

— Можетъ-быть, во снѣ! — продолжалъ своимъ ровнымъ, безучастнымъ голосомъ Кульманъ.

— Этого я ужъ не знаю! — засмѣялся аптекарь: — но во всякомъ случаѣ я очень радъ съ вами познакомиться. Вы къ намъ сюда по торговымъ дѣламъ?

— Нѣтъ!

— А зачѣмъ же?

Кульманъ вздрогнулъ, точно отъ прикосновенія къ нему каленымъ желѣзомъ, и воскликнулъ:

— Меня привелъ сюда самъ Богъ! Самъ Богъ приказалъ мнѣ спасти московское царство и вывести его изъ мрака заблужденія къ истинному свѣту!

На мгновеніе всѣ стихли и смотрѣли на Кульмана. Гутбиръ даже растерялся.

— Что же вы не присядете? — предложилъ онъ, подвигая стулья и указывая на скамейку около стѣны.

Зертельгасть оперся на столъ, на которомъ готовились лѣкарства, Кульманъ сѣлъ противъ окна, а въ уголкѣ примостился Карбонарій. Гутбиръ занялъ свое старое мѣсто.

— Кульманъ пріѣхалъ сюда не одинъ, а съ своей женой, — заговорилъ докторъ: — и не знаетъ, гдѣ поселиться.

— Въ домѣ Отца Моего обитателей много! — огозвался Кульманъ такимъ голосомъ, какъ будто дѣло совершенно не касалось его.

— Аминь! — подтвердилъ аптекарь: — но все-таки надо подумать о помѣщеніи. Можетъ-быть, г. Кульманъ не откажется пока воспользоваться моимъ гостепріимствомъ... Теперь дѣло, а пристройка около дома довольно таки удобна... Что касается прислуги, то это тоже можно будетъ устроить. Конечно, въ Москвѣ все неудобно, все не такъ, какъ у насъ на родинѣ, гдѣ и рынки... и лавки... здѣсь все это не хорошо, но зато дешево!..

Кульманъ повелъ утвердительно головой. Его молчаніе мучило любопытнаго аптекаря, и онъ рѣшился спросить:

— А какъ же вы думаете спасти московское государство и отъ какой опасности?

— Огненнымъ словомъ!

— Какъ?

— Вы увидите: сама судьба покровительствуетъ мнѣ! Въ Лондонѣ нѣкій житель вашей свободы Генингъ написалъ мой портретъ... И мы бесѣдовали съ нимъ немало. Онъ мнѣ рассказывалъ про Москву, московскихъ царей, здѣшнихъ жителей, ихъ нравы и обычаи... А передъ тѣмъ я путешествовалъ по Турціи, потому что хотѣлъ тамъ проповѣдывать вѣру Христову, и рѣшилъ ѣхать въ Московію. Я прочиталъ еще разъ творенія великихъ пророковъ Кирхера, Лудля и Понятовскаго, выписалъ изъ ихъ твореній тѣ пророчества, которыя касаются московскаго царства, составилъ листъ и просилъ передать его царямъ.

Зертельгасть спросилъ:

— А листа этого нѣтъ у васъ?

— Я отпечаталъ его въ Амстердамѣ, но съ собою не имѣю, тѣмъ не менѣе могу сказать вамъ все, такъ какъ помню его наизусть.

— Говорите!

И сначала тихо, затѣмъ все громче и вдохновеннѣе зазвучалъ голосъ этого страннаго человѣка, который, покинувъ родину, явился сюда, въ московское царство, гдѣ такъ подозрительно и недружелюбно смотрѣли на каждого пріѣзжаго, а въ послѣднее время данъ былъ даже приказъ останавливать и подробно разспрашивать — зачѣмъ ѣдетъ, съ какими помыслами...

Почти всѣ жители слободы были или искатели приключеній, которымъ не повезло въ Европѣ и они думали найти счастье на Сѣверѣ, или коммерсанты, или военные, или наконецъ медики и аптекаря. Духовныя лица пріѣзжали по приглашенію приходовъ, слѣдовательно тоже появленіе ихъ не представлялось загадочнымъ.

А голосъ Кульмана все росъ, звенѣлъ и дрожалъ какими-то особенными, захватывающими сердце звуками.

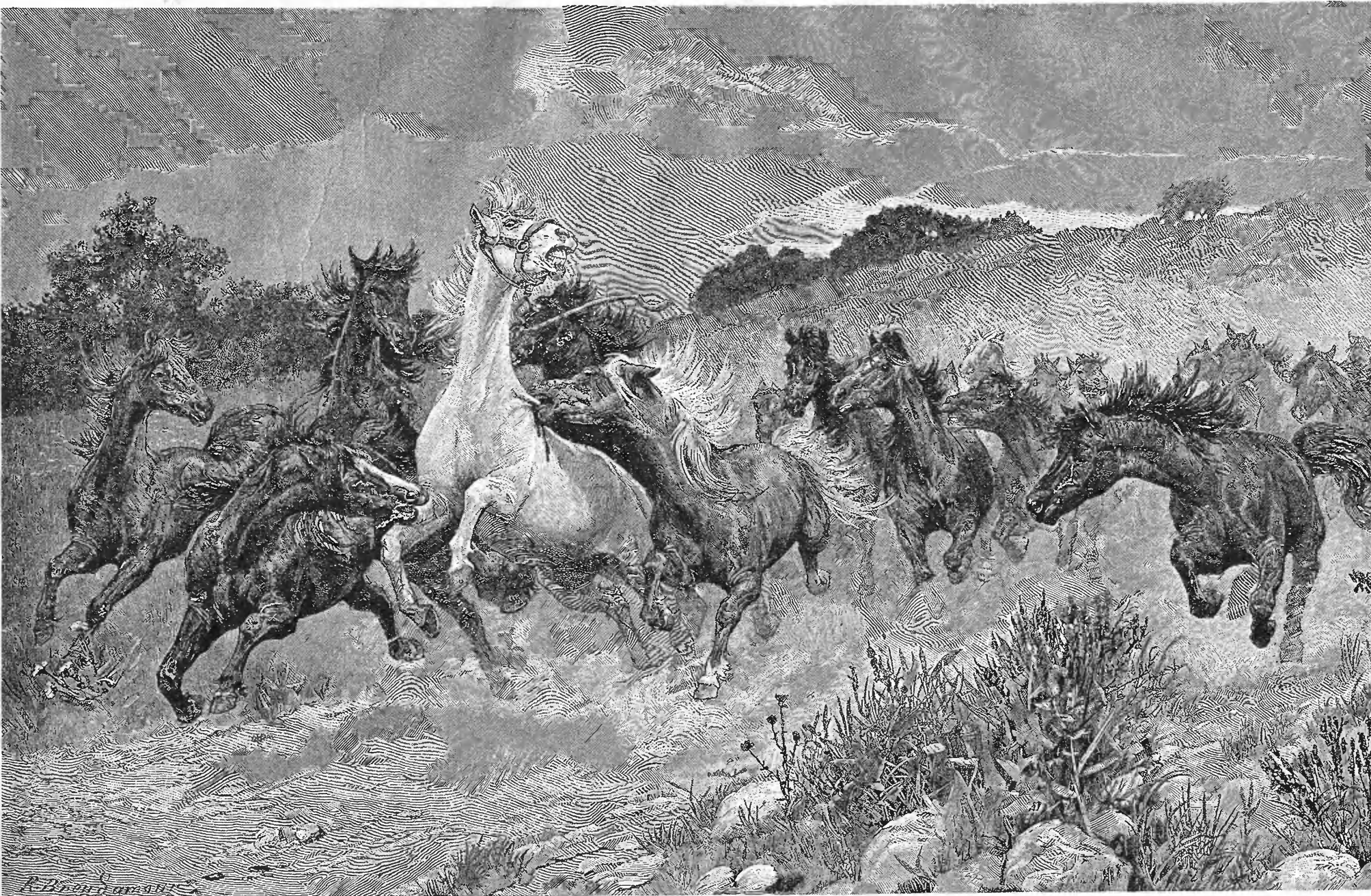
— Возстаньте, цари московскіе! Возстаньте! Послушайте Николая, котораго самъ Исусъ Христосъ призвалъ изъ Страстница Моравскаго! Бреславльскій Кульманъ предсказываетъ: пробуждайся, чтобы строго проповѣдывать вамъ ваше призваніе! Хотя папство и Римъ ищетъ постыдно прельстить васъ, но посмотрите на исходъ вашего союза. Хоть по недоразумѣнію вы поощряете войну съ турками, но посмотрите внимательно, какъ порабощаютъ ихъ вамъ христіане! Послушайте Кульмана и трехъ его пророковъ, и тогда писаніе пойдетъ къ вамъ на сѣверъ и на востокъ, къ туркамъ и татарамъ! Извѣстіе изъ Москвы поразило меня ужасомъ: оно въ Любекѣ представило мнѣ тотъ портретъ, который рукою одного москвича явилъ черты мои Лондону и той же рукою возобновленъ въ Амстердамѣ. Забудьте, москвичи, забудьте это ваше собственное чудо и притомъ болѣе значительное, нежели какимъ оно представляется съ перваго взгляда! Познайте ясно образъ мой по фигурѣ и существу и представьте себѣ то и другое во всей ихъ чудесности. Забудьте, цари, о цари, князья крайняго сѣвера! Поспѣшите исполнить относительно сѣвера то, что дано ему обѣтовано!

Кульманъ выкрикнулъ послѣднія слова и оглянулся. Всѣ сидѣли не шевелясь.

— Въ нынѣшнее дѣло, — продолжалъ онъ тѣмъ же повышеннымъ голосомъ: — водружено было сѣверное знамя Рота за столько и на столько лѣтъ, сколько продолжалась мука Іосифа. И, въ предвѣстие, продаютъ меня всѣ братья! Будьте же вы моимъ фараономъ въ великомъ призваніи сѣвера! Пожните тысячи благословеній, пока братія моя алчутъ, пока мирно пройдутъ черезъ вашу страну десять колѣнъ. Москвитяне, будьте вѣрными іезуитами, хотя и ведете вы унорную брань съ турками, татарами и шведами. Примите прохлаждающаго пророка съ истиннымъ желаніемъ прохлады! Посрамите прослазвующихъ васъ и оставившихъ славу надолго вашу!.. И оба прохлаждающіе дара мои да будутъ и для васъ прохлаждающими...

Глухая осень. Картина Ландера, авт. «Щепы».

Табуны, преслѣдующій чужую лошадь. Рисунокъ Л. Коха, гравюра Брендамура.

ромъ! Мосе десять пробуди въ тебѣ, о Москва, разумъ! Какъ Илья посланъ былъ къ язычникамъ въ то время, когда тысячи вдовъ были во Израилѣ, такъ и моя Сарента пойдетъ по повелѣнію Божию на западъ, сѣверъ, востокъ, далеко до пещеромаго. Миръ необходимо долженъ быть очищенъ: время день и часъ требуютъ вѣры и терпѣнія. Впередъ, цари, подъ одно знамя съ турками и татарами! Будьте заодно съ народомъ, у котораго голова обращена назадъ, да поплатится Польша за то, въ чемъ она погрѣшила передъ Швеціею, и да будетъ разрушена папская глава! Златой мечъ десяти колѣнъ составляетъ остріе желѣзнаго и стальнаго меча: онъ рѣшаетъ единеніе міра. Когда и камня не останется отъ Рима и Вѣны, когда не останется ни одного папешника — развѣ только въ Америкѣ, тогда раздастся гласъ сильного, уже слышаннаго Котеромъ: всѣ чистые вѣтра будутъ единымъ царствомъ Христовымъ!..

И при послѣднихъ словахъ Кульмана что-то страшное и мощное ворвалось и заревѣло. Онъ испуганно вскопился, закричалъ дикимъ голосомъ, но голосъ его жалобно потонулъ въ этой волнѣ звуковъ...

— Что это?

— Это звонятъ ко всепошной! — спокойно объяснилъ Гутбиръ: — тутъ, въ Кремлѣ, много колоколовъ.

Но Кульманъ уже справился съ собой. Онъ смотрѣлъ на своихъ слушателей и повторилъ:

— Тогда раздастся гласъ сильныхъ!

Карбонарій взялъ за руку Кульмана и сказалъ:

— Идемъ домой!

— И я съ вами! — отозвался Гутбиръ и сталъ записывать аптеку.

Ставни съ болтами хлопали, гремѣли замки, и скоро все погрузилось въ мракъ. Аптекарь вышелъ послѣднимъ, разбудилъ спавшаго въ холодкѣ съ бердышомъ старика и приказалъ ему караулить.

И всѣ четверо двинулись къ Нѣмецкой слободѣ, охваченные какимъ-то мистическимъ ужасомъ, навѣяннымъ Кульманомъ, который и самъ находился въ его власти. А колокола гудѣли надъ Москвой мощнымъ призывомъ...
II.

Тамъ, гдѣ теперь въ Москвѣ Нѣмецкая улица и прилегающіе къ ней кварталы, два вѣка тому назадъ стояло селеніе, рѣзко отличавшееся отъ другихъ селеній. Улицы въ немъ были прямыя и широкія, дома, хотя большею частью деревянные, по зато европейской архитектуры и обрамлены садами и палисадниками. Жили въ немъ одни иноземцы: французы, испанцы, итальянцы, австрійцы, англичане, голландцы, датчане, шведы, ливонцы, нѣмцы, поляки, словомъ, едва ли въ Европѣ существовала какая-нибудь національность, у которой не было бы здѣсь своего представителя, но численный перевѣсъ постоянно былъ на сторонѣ нѣмцевъ, такъ что другіе иностранцы для удобства взаимныхъ отношеній должны были изучать нѣмецкую рѣчь. По вѣроисповѣданію это были почти одни протестанты, по роду занятій преимущественно мастеровые, художники, торговцы, войны, т. е. люди или состоявшіе на государственной службѣ, или добивавшіеся ея, или искавшіе заработка и прибыли. Правительство, понимая ихъ пользу для своихъ практическихъ цѣлей и потому покровительствуя имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ истощивъ всѣ мѣры противъ ихъ эксплоатаци и соблазновъ мѣстнаго населенія, не видѣло иного средства, какъ совершенно отдѣлить ихъ отъ русскихъ, выселивъ за городъ, за Покровскія ворота, къ Яузѣ, на ручеекъ Кокуй.

Указомъ 1652 года имъ отведены были здѣсь участки земли, сообразно съ ихъ званіемъ и состояніемъ: отъ 40 до 8 сажень вдоль и отъ 20 до 6 сажень поперекъ. Сюда они и должны были переселиться. Кто медлитъ и упирался, тѣхъ выпроваживали насильно; оставаться въ городѣ могли только принявшіе или принимающіе православіе; вскорѣ послѣ того дозволено было жить тамъ

однако и еще нѣкоторымъ врачамъ и наиболѣе крупнымъ пегопѣнтамъ. Вновь устроенное селеніе получило названіе Ново-Иноземской слободы, на обыкновенномъ же языкѣ оно называлось Ново-Нѣмецкой слободой или, еще чаще, Кокуемъ.

Когда иноземцамъ изъ другихъ частей Москвы приказано было переселиться туда, то она превратилась въ совершенный городъ. Здѣсь шла своя особая жизнь на фонѣ московскихъ событій, которыя доходили глухимъ отзвукомъ и интересовали мостольку, поскольку затрагивали лично. Русскіе, попадавшіе въ Нѣмецкую слободу, съ изумленіемъ смотрѣли на происходившее тамъ. Ихъ поражали и иной видъ домовъ, и другая обстановка, и то участіе въ жизни и повседневномъ обиходѣ, которое принимали женщины. Онѣ такъ мало походили на эти тяжелыя, неподвижныя фигуры боярынь и боярышенъ. Онѣ говорили, смѣхъ ихъ звонко раздавался по тихимъ улицамъ, и когда около нихъ останавливался какой-нибудь военный въ иноземномъ одѣяннѣ, то можно было совершенно забыть, что находишься въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Москвы. Русскихъ посѣтителей слобода поражала. Та жизнерадостность, которая царила тамъ, была мало понятна московскимъ обывателямъ. Живыми, сонными глазами они смотрѣли кругомъ, ничѣмъ не интересуясь, ничѣмъ не огорчаясь и ничему не радуясь. Нѣмцы точно приносили съ собой въ крови радостный гулъ цесарской столицы или германскихъ вольныхъ городовъ. Они и держались, и говорили, и смотрѣли совершенно иначе.

— Веселые они! — говорили москвичи.

— Чего имъ!

— Живутъ да радуются!

И они думали, что въ слободѣ не было никакихъ волненій, никакой борьбы. Напротивъ, она шла и шла съ потрясающей силой, но только въ сферахъ мало уловимыхъ поверхностному наблюдателю, въ сферахъ духовныхъ.

Отсутствіе крупныхъ интересовъ, оторванность отъ родины, сношенія съ которой не могли, конечно, продолжаться при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, и отчужденность изъ Москвы, гдѣ все было совершенно иначе, — все это возбуждало безконечное количество всякихъ мелкихъ интересовъ, повседневныя сплетни, сведеніе личныхъ счетовъ. Ссорились между собою жители слободы, хвастаясь своими одеждами, ссорились пасторы, которыхъ было трое, по одному на кирку, ссорились военные люди и ссоры эти часто выходили за предѣлы слободы и разрѣшались уже въ приказахъ. Но, помимо этихъ ссоръ, бывали и серьезные размовки. Религіозныя движенія Запада доходили сюда послѣднимъ слабымъ отзвукомъ, но тѣмъ не менѣе они тревожили и заставляли сильнѣе биться сердца.

Пріѣздъ Книрина Кульмана вызвалъ особенное волненіе. Все было таинственно, все было странно въ этомъ человѣкѣ. Онъ точно жилъ постоянно въ другомъ мірѣ и въ этотъ опускался временно. Изумленными глазами смотрѣлъ онъ на все происходившее и говорилъ языкомъ отрывистымъ, мало понятнымъ. Жена его Эсэиръ, худая, блѣдная, съ большими грустными глазами, заботилась о мужѣ, какъ о ребенкѣ. При первомъ звукѣ его голоса она вздрагивала и прислушивалась, и часто во время его рѣчей изъ глазъ ея бѣжали тихія, грустныя слезы. Сердобольныя нѣмки принимали въ ней участіе и спрашивали ее:

— О чемъ вы плачете?

— Чувствую, что пріѣздъ нашъ сюда добромъ не кончится!

— Почему?

— Мнѣ такъ кажется.

— Зачѣмъ же вы ѣхали?

Эсэиръ съ изумленіемъ смотрѣла на спрашивающихъ.

— Какъ? Да развѣ мы ѣхали сюда по своей волѣ?

— А кто же вамъ приказалъ?

— Богъ!—коротко отвѣчала она и снова замолкала.

Кульмана знала далеко не вся Нѣмецкая слобода. Онъ пріѣхалъ черезъ Псковъ. Явившись въ приказную палату, онъ назвалъ себя торговымъ человекомъ голландской земли города Амстердама, Людвигомъ Людовици и просилъ пропустить его въ Москву для свиданія съ родственниками.

Ему повѣрили. Встрѣча съ Карбонаріемъ сильно помогла ему, и онъ явился въ Москву. Громадный городъ поразилъ его; онъ не представлялъ себѣ столицу московскаго государства такой, но когда онъ увидѣлъ Кремль, Китай-городъ, Бѣлый городъ, безчисленные колокольни церквей, боярскіе дома, тонущіе въ зелени, кривыя улицы и площади, кишѣвшіе народомъ, то почувствовалъ въ себѣ еще больше желанія спасти этихъ людей. Онъ не воспользовался простодушнымъ приглашеніемъ аптекаря, а поселился у доктора Ренра Петлинга, который уступилъ ему половину своего дома, такъ какъ самому ему помѣщенія много не надо было. Овдовѣвъ, онъ жилъ замкнуто и одиноко. Жена Кульмана усердно занялась хозяйствомъ. Аптекарьша посовѣтовала ей взять въ прислуги Оленьку, молодую дѣвушку, которая уже нѣсколько лѣтъ въ Нѣмецкой слободѣ въ прислугахъ жила и кое-что по-нѣмецки понимала. Такимъ образомъ Кульманы устроились, и Квиринъ могъ отдаться тому дѣлу, на которое, по его словамъ, его направилъ самъ Богъ. Но внезапный страхъ охватилъ его.

— Душа моя скорбитъ!—жаловался онъ своей женѣ, сидя около окна и глядя на постепенно темнѣвшее небо, на которомъ робко и испуганно начинали проступать первыя дрожавшія звѣзды.

— Почему?

— Мнѣ кажется, что я встрѣчу здѣсь гораздо больше враговъ, чѣмъ я ожидалъ.

— Тебѣ ли бояться?

— Все можетъ случиться. Каждому скитальцу долженъ быть данъ наконецъ отдыхъ. Я чувствую, что мой конецъ здѣсь.

— Квиринъ!

— Да, но что дѣлать?

— Бѣжимъ!

Кульманъ отрицательно качалъ головой.

— Невозможно!

— Почему?

Лицо Кульмана казалось совершенно прозрачнымъ, освѣщенное слабымъ свѣтомъ молодого мѣсяца.

— Я тебѣ открою великую тайну. Ты не знаешь, что съ лѣвой стороны отъ тебя я вижу постоянно свѣтлый лучъ!

— Ты?

— Да, онъ падаетъ откуда-то сверху, онъ мнѣ кажется прямой узкой дорогой, по которой можно подняться до самаго неба. Ты понимаешь это великое счастье и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ великій страхъ! Этотъ лучъ привелъ меня сюда, и я долженъ или побѣдить, или уйти на небо!

Эсеньр прижалась къ своему мужу.

— Ты не умрешь!—сказала она.

— Почему?

— Потому что неоконченное тобою докончить твой сынъ.

— Кто?—вскрикнулъ Кульманъ.

— Квиринъ, я готовлюсь быть матерью!—вся зардѣвшись, сказала молодая женщина.

III.

Мысль о томъ, что Богъ пошлетъ ему ребенка, который явится продолженіемъ его рода, послѣдователемъ его мыслей, его ученикомъ, носителемъ на землѣ его идей, придавала Кульману новыя силы, и онъ рѣшилъ дѣйствовать. Прежде всего онъ отправился къ пастору Іоахиму Мейнке.

Пасторъ только-что вернулся изъ церкви и расположился около своего стола, чтобы почитать, какъ вошла его жена, появленіе которой обозначало всегда продолжительный разговоръ.

— Ты что, Амалія?

— Я къ тебѣ по дѣлу.

— А? Это опять навѣрно что-нибудь по хозяйству!—добродушно разсѣялся пасторъ.

Худое лицо его съ сѣрыми глазами собиралось морщинами, когда онъ смѣялся.

— Нѣтъ!

— Ну, знаю...

И пасторъ взялся за очки.

— Дѣло!

— Что же?

— Сейчасъ прибѣжала прислуга отъ доктора Петлинга и сказала, что къ тебѣ явится... этотъ вновь пріѣхавшій сюда Кульманъ. Говорятъ, что онъ страшно краснорѣчивъ, онъ увлекаетъ своими проповѣдями... Въ слободѣ у насъ, ты знаешь, народъ какой! Не успѣли обжиться здѣсь послѣ смуты пастора Рама, и опять...

Мейнке отложилъ очки въ сторону.

— Гм!—сказалъ онъ:—это оказывается однако гораздо серьезнѣе, чѣмъ я думалъ! И откуда этотъ Кульманъ? какъ его пропустили? Мнѣ рассказывали, что контролируютъ на границѣ, а онъ, значить, подѣ чужимъ именемъ... Это ужасно!

— Ты будешь съ нимъ говорить?

— Конечно!..

— Смотри, Іоахимъ!

— Ахъ, Амалія, неужели ты думаешь, что я не сдѣлаю всего, чтобы только отстоять свое положеніе? Мнѣ самому надѣло это вѣчное скитанье. Сначала Штетингъ, потомъ Лейпцигъ, Страсбургъ и наконецъ Рига. Здѣсь я прослужилъ три года у генералъ-губернатора Таубента, потомъ годъ у рижскаго губернатора Эломфельда. Изъ Риги меня перевели въ Кіевъ, потомъ въ Новгородъ и наконецъ пригласили въ Москву. Мнѣ надѣло, мои силы ушли. Я расположился здѣсь дожидать свой вѣкъ и вдругъ... Я слышалъ объ этомъ Кульманѣ: такіе фанатики мнѣ знакомы...

Амалія выглянула въ окно.

— Идети!

— Отлично, только ты уходи!

Пасторъ въ волненіи прошелся по комнатѣ, взглянулъ на крестное распятіе и приготовился. Дверь отворилась, и на порогѣ показался Кульманъ.

— Я имѣю честь видѣть пастора Мейнке?—спросилъ онъ.

— Да!

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ Ф. С. Р.—сказалъ онъ. Легкое смущеніе промелькнуло по лицу пастора.

— Неправда!—сказалъ онъ.

— Что?—отшатнулся Кульманъ.

— Всякое ваше слово—силошная ложь. Вы не знаете Ф. С. Р., и потому поклона вашего отъ этого высокаго лица я принять не могу. Вы волкъ въ овечьей шкурѣ, но я васъ вижу отлично насквозь!

— Какъ?

Вы явились сюда подѣ чужимъ именемъ, какъ тать въ пощи, но люди истинно-благочестивые поймутъ васъ, зачѣмъ вы пришли! Вы видите это жалкое подобіе пыльных германскихъ городовъ?—сказалъ пасторъ:—здѣсь, на краю свѣта, среди жестокихъ варваровъ? Здѣсь живутъ люди, которымъ Богъ не далъ великаго счастья работать на своей родинѣ, они лишены отечества, но они живутъ мирно. Зачѣмъ же вы приходите смущать ихъ, зачѣмъ? Неужели вы думаете, что я это допущу? Я, какъ служитель алтара, какъ пастыръ, долженъ буду стать на защиту овецъ моихъ и сдѣлаю все, чтобы помогать вамъ! Если бы вы явились сюда съ дѣлами религиозными, я бы первый пошелъ къ вамъ навстрѣчу, но вы... вы хотите сладко ѣсть и спокойно спать! Прямо вы не мо-

Эскизъ (1868) художника Г. И. Семирадского, арт. «Нивы».

жете ничего добиться, такъ какъ вы идете косвенными путями... Вы хотите занять мое мѣсто, но я ногтями въпишусь въ край престола моей церкви, и только съ жизнью вмѣстѣ вы оторвете меня отъ него!..

Послѣднія слова вырвались у пастора крикомъ. Тяжело дыша, онъ отступилъ назадъ. Подъ самымъ окномъ, около куста смородины, стояла Амалия. Она одобрительно качала головой.

— Вы неправы, г. пасторъ!—сказалъ Кульманъ:—мнѣ вашего мѣста не надо.

— Еще бы вы сознались въ этомъ!

— Я пришелъ за другимъ.

— А именно?

— Я дѣйствительно назвался на границѣ чужимъ именемъ, но иначе меня бы не пропустили. Я явился сюда спасти васъ.

— Меня?

— Да!

— Отъ какой опасности?

— Неужели вы не видите, что конецъ міра уже близокъ?.. Признаки такъ ясны, что бросаются каждому въ глаза. Антихристъ уже готовится къ побѣдному шествію, и если вы не примете новое ученіе—вы погибли.

Пасторъ улыбнулся.

— Вы можете пугать дѣтей и женщинъ,—сказалъ онъ:—но меня вы не проведете. Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1669 году, въ Амстердамѣ началась подобная же смута. Она была посягана пѣкимъ Бартутомъ и его еретическими сочиненіями. Но скоро съ нимъ справились: ему отрубили руки и ноги, а тѣло его вмѣстѣ съ книгой было сожжено на площади. Но онъ покаймся въ своихъ заблужденіяхъ и въ своемъ великомъ кощунствѣ, что выдавалъ себя за пророка!.. Пока не поздно, Кульманъ, покайся и ты!

Голосъ пастора звучалъ ласково.

— Оставьте, Кульманъ, ваше ученіе!

— Никогда!

— Почему?

— Потому что самъ Господь направилъ меня...

— Полноте! Иногда Господь отстраняется отъ человѣка и отдаетъ его во власть сатаны!

— Я знаю Христову Бартута: это былъ праведникъ!

— Ну, вотъ!

— Онъ погибъ невинно...

— Это все равно, но онъ отказался отъ своего заблужденія.

— Теперь я вамъ скажу въ свою очередь, г. пасторъ, что вы лжете.

— Я?

— Да, вы! Бартутъ остался непреклоненъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Ваши угрозы мнѣ не страшны, потому что свѣту всегда мѣшаетъ тьма! Не думайте, что я гонюсъ за какими-нибудь матеріальными выгодами. Мнѣ онѣ не нужны. Мое царство не тамъ, гдѣ ваше... Мое царство тамъ, куда ведетъ меня мой лучъ.

— Я вамъ врагъ!—воскликнулъ пасторъ.

— Чтѣ дѣлать!—спокойно пожавъ плечами, сказалъ Кульманъ и вышелъ.

Пасторъ съ минуту не могъ придти въ себя.

— Да чтѣ же это такое? Значить, этотъ человѣкъ дѣйствительно явился сюда съ твердымъ намѣреніемъ занять опредѣленное положеніе?! Но этого никакимъ образомъ нельзя допустить!

И пасторъ выглянулъ въ окно, мимо котораго долженъ былъ пройти его врагъ.

— Кульманъ!—крикнулъ онъ:—постойте!

Тотъ повернулся.

— Въ чемъ дѣло?

— Я хочу вамъ еще сказать...

Кульманъ спокойно подошелъ къ окну.

— Говорите!

— Я предупреждаю васъ, что, при первой вашей попыткѣ посягнуть смуту въ моемъ приходѣ, я обращусь къ русскимъ властямъ, а тамъ,—пасторъ показалъ въ сторону Кремля:—тамъ шутить не будутъ...

— Все равно!

— Помните!

Кульманъ улыбнулся.

— Я ничего не забываю!—сказалъ онъ и, приподнявъ шляпу, двинулся опять.

Пасторъ отскочилъ отъ окна и столкнулся съ женой.

— Ты слышала?

— Да!

— Каковъ?

— Съ этимъ сразу не справишься.

— Положимъ, онъ пока еще ничего не сдѣлалъ; мнѣ кажется, онъ только храбрился, а на самомъ дѣлѣ онъ побѣжденъ.

— Ты думаешь?

— Ты ошибаешься, мой другъ,—сказалъ пасторъ:—такіе спокойные люди всегда бывають самыми опасными. Пока мы сдѣлали свое, мы предупредили его, а если онъ захочетъ съ нами бороться...

Пасторъ засмѣялся.

— Въ московскомъ приказѣ много еще кнута для него найдется,—замѣтилъ онъ со злобой.

(Продолженіе будетъ).

Чилийская катастрофа.

(Съ 3 рис. на стр. 634).

3 (16) августа нынѣшняго года въ Чили разразилась ужасная катастрофа, повлекшая за собою гибель многихъ городовъ и деревень, унесшая массу человеческихъ жизней и причинившая громадные матеріальные потери, оценываемыя въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей.

Западное побережье Южной Америки принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстностей на земномъ шарѣ, гдѣ землетрясенія не являются рѣдкостью и гдѣ они отличаются вообще большой разрушительной силой. Въ XIX столѣтіи насчитывается здѣсь пять большихъ катастрофъ, не считая незначительныхъ землетрясеній, бывающихъ ежегодно по нѣскольку разъ.

19 ноября 1822 г. Вальпараисо пережилъ страшное землетрясеніе, во время котораго отъ сильныхъ подземныхъ толчковъ рухнули всѣ зданія, и море, ворвавшись внутрь страны, а затѣмъ стремительно отступивъ, увлекло за собою все, что встрѣчало по дорогѣ, при чемъ погибли почти всѣ жители города.

20 февраля 1835 г. погибъ г. Консенсіонъ; описаніе землетрясенія, разрушившаго этотъ городъ, оставлено намъ Ч. Дарвиномъ въ его знаменитомъ «Путешествіи вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль».

3 августа 1868 г., т. е. ровно 38 лѣтъ назадъ, былъ разрушенъ и смытъ съ лица земли г. Арика, находящійся на сѣверѣ Чили. Въ 1877 г. былъ сравненъ съ землею г. Мендоса.

Еще Дарвинъ замѣтилъ, что чилийское побережье испытываетъ постоянное поднятіе, центромъ котораго является г. Вальпараисо,

поднявшійся за 230 лѣтъ на 3,66 метра. Поднятіе почвы происходитъ или незамѣтно, подъ влияніемъ медленно, но непрерывно дѣйствующихъ силъ, или же внезапно, какъ сказать, во время землетрясеній, какъ, напр., въ Вальдивіи въ 1837 г., когда наблюдалось поднятіе почвы на 1,5 м.

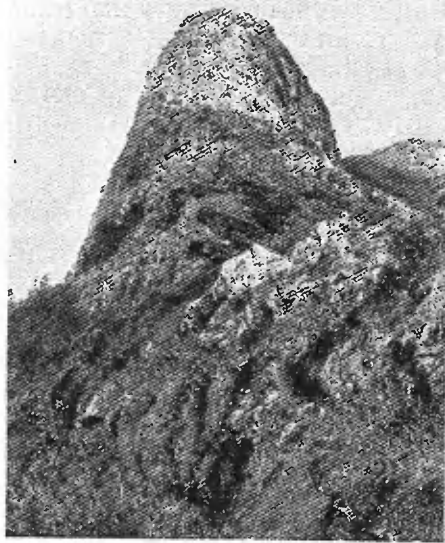
Поднятіе Дарвинъ поставилъ въ связь съ частою повторяющеюся землетрясеніемъ въ данной мѣстности, считая его скорѣе не послѣдствіемъ, а причиною ихъ.

Позднѣйшія изслѣдованія подтвердили правильность такого заключенія, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Въ настоящее время чилийскія землетрясенія объясняются продолжающимися еще и до сихъ поръ ростомъ горнаго хребта Кордильеро въ Андѣ, тянущихся вдоль всей восточной границы Чили, на разстояніи всего отъ 150 до 400 килом. отъ берега Великаго океана.

Процессъ формированія горныхъ краевъ чаще всего состоитъ въ образованіи въ земной корѣ изгибовъ или складокъ, обусловленныхъ горизонтальнымъ стяженіемъ земной коры, происходящимъ отъ уменьшенія земнаго ядра вслѣдствіе охлажденія, въ силу чего земная кора, составляющая какъ бы оболочку ядра, должна приспособляться къ нему.

Вслѣдствіе такого процесса области формирующихся хребтовъ наиболѣе часто подвержены землетрясеніямъ, потому что здѣсь происходятъ наиболѣе интенсивныя перемѣненія въ земной корѣ.

Направленіе землетрясеній всегда совпадаетъ съ направлениемъ

Остров Робинзона. Холмъ, служившій Робинзону Крузе (Алекс. Селькирку) сторожевой вышкой.

страшилось на громадномъ протяженіи отъ г. Лимы, столицы Перу, до г. Консепсьона, захвативъ болѣе 2.000 килом. Колебанія почвы наблюдались на всемъ побережьи, но наибольшей силы достигли въ г. Вальпарайсо, Сантъ-Яго и ихъ окрестностяхъ.

Землетрясение началось въ 8 ч. вечера (по мѣстному времени). Въ этотъ день въ Сантъ-Яго, столицѣ Чили, были отмѣчены два удара, одинъ менѣе сильный, продолжавшійся 3 1/2 минуты, и второй болѣе сильный, продолжавшійся 2 минуты. Послѣ перваго удара населеніе Вальпарайсо (до 150.000 человекъ) устремилось на улицы, благодаря чему многимъ удалось спастись. Послѣ втораго удара городъ частью оказался въ развалинахъ, частью же былъ охваченъ огнемъ начавшагося пожара. Подземные толчки, повторявшіеся всѣ дни до 17 (30) августа, довершили дѣло разрушенія, такъ что на мѣстѣ «райской долины» (Вальпарайсо) теперь находится только груда развалинъ.

Число погибшихъ при землетрясеніи въ Вальпарайсо достигало 5.000, число раненыхъ—значительно больше. Железная дорога, соединявшая Вальпарайсо съ Сантъ-Яго, была разрушена, телеграфныя линіи были испорчены, такъ что городъ въ теченіе двухъ дней являлся отрезаннымъ отъ всего міра, и свѣдѣнія отсюда получались окольными путями отъ бѣглецовъ, въ паническомъ страхѣ покинувшихъ разрушенный городъ. Газо- и водопроводныя трубы также испорчены; отсутствіе воды и свѣта, конечно, еще болѣе увеличивало панику жителей.

Сантъ-Яго, лежащій въ 100 килом. къ востоку отъ Вальпарайсо, пострадалъ также очень сильно; вотъ какъ описывали въ лондонской прессѣ этотъ страшный день: «Почти всѣ дома въ Сантъ-Яго опустѣли. Улицы и площади наполнены людьми, не рѣшающимися возвратиться въ дома. Старыя и новыя зданія шатаются, дрожатъ и готовы развалиться. Ночь на 4-е августа была ужасная: сверкали молніи, лились потоки воды, рвались электрическіе провода, дрожала земля, колыхались дома, и надъ городомъ стоялъ гулъ отъ церковныхъ колоколовъ, въ которые никто не звонилъ. Каждый подземный ударъ сверталъ всѣхъ

такъ называемыхъ тектоническихъ или структурныхъ линій, т. е. линій разлома земной коры, по которымъ процессы измѣненія рельефа земной коры («лики земли», по удачному выраженію проф. Зюсса) дѣйствуютъ наиболее интенсивно. Въ Чили такимъ направлениемъ является линія съ-веръ-югъ, и дѣйствительно всѣ наблюдавшіяся здѣсь землетрясенія распространялись по этому направлению вдоль берега океана, захватывая большія пространства, до 1.000 километровъ и болѣе. Последнее землетрясеніе не явилось исключеніемъ въ этомъ отношеніи и распространилось

въ ужасъ, тысячи людей бросались на колѣни, моля небо о пощаду. Въ Сантъ-Яго, какъ и въ Вальпарайсо, много помѣшавшихся на религіозной почвѣ. Въ Сантъ-Яго какой-то старикъ объявилъ себя сыномъ Бога, посланнымъ возвестить людямъ конецъ міра. Старикъ былъ разорванъ на куски толпой».

Кромѣ Вальпарайсо и Сантъ-Яго, совершенно уничтожено еще нѣсколько небольшихъ городовъ въ томъ же районѣ—Курико, Ралкагуа, Квилютта, Балика, Лимаха и др. Въ Лосъ-Андресъ убито до 3.000 человекъ, въ Мелиниль—до 2.000. Точные размѣры несчастія еще неизвѣстны, но несомѣнно, что они гораздо значительнѣе, чѣмъ при землетрясеніи въ Санъ-Франциско 18 апрѣля нынѣшняго года.

Во время этого землетрясенія скрылась подъ волнами океана группа острововъ вулканическаго происхожденія, находившаяся въ 550 килом. къ западу отъ Вальпарайсо. Одинъ изъ этихъ острововъ Масъ-а-Тьерра, болѣе извѣстный подъ именемъ Хуанъ-Фернандесъ, пользовался большою популярностью, какъ островъ Робинзона Крузе, и служилъ въ послѣднее время мѣстомъ ссылки преступниковъ.

Землетрясеніе въ Чили очень интересно благодаря тому обстоятельству, что оно было предсказано заранѣе. Первыя предсказанія, мѣсяца два тому назадъ, были сдѣланы Камилломъ Фламариономъ, который, ознакомившись съ подробностями катастрофы въ Санъ-Франциско, указалъ, что весьма серьезная опасность грозитъ западному побережью Южной Америки. Второе предсказаніе было сдѣлано наблюдателями морской обсерваторіи въ Вальпарайсо, которые, на основаніи взаимнаго положенія Юпитера, земли и луны, считали весьма вѣроятнымъ наступленіе землетрясенія. Ихъ предостереженіе было опубликовано наканунѣ, но, къ сожалѣнію населеніе не обратило на него должнаго вниманія.

Землетрясеніе въ Вальпарайсо совпало съ наступленіемъ частнаго солнечнаго затменія 7 (20) августа. Такое же совпаденіе наблюдалось 25 апрѣля 1902 г., когда въ день полнаго солнечнаго затменія погибъ г. Сентъ-Пьеръ на о. Мартиникѣ. Подобныя совпаденія, нерѣдко наблюда-

Остров Робинзона. Бухта Кумберландъ.

внѣя и въ другихъ мѣстахъ, навели нѣкоторыхъ ученыхъ на мысль о вліяніи луны на сейсмическія явленія. Точная проверка показала, впрочемъ, что далеко не всегда въ мѣстностяхъ, наиболѣе подверженныхъ землетрясеніямъ, солнечныя затменія совпадаютъ съ сейсмическими катастрофами.

Колебанія земной коры, произведенныя чилійскимъ землетрясеніемъ, отозвались по всему земному шару и были записаны сейсмографами въ Страсбургѣ, Барселонѣ, на о. Уайтѣ и въ другихъ мѣстахъ (у насъ въ Россіи наиболѣе хорошо оборудованная обсерваторія для наблюденія землетрясеній находится въ Иркутскѣ). Колебанія, записанныя въ этихъ обсерваторіяхъ, относятся къ разряду микросейсмическихъ, т. е. такихъ, которыя незначительны для обыкновеннаго наблюдателя и могутъ быть зарегистрированы лишь при помощи весьма чувствительныхъ сейсмографовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, впрочемъ, колебанія почвы, которыя слѣдуетъ отнести, вѣроятно, за счетъ волнъ, образованныхъ чилійскимъ землетрясеніемъ, наблюдались и въ видѣ макросейсмическихъ, т. е. ощущаемыхъ обыкновеннымъ наблюдателемъ. Такія колебанія наблюдались въ Аддисъ-Абебѣ, столицѣ Абиссиніи, и въ Заборжѣ, въ Силезіи, 9 (22) августа.

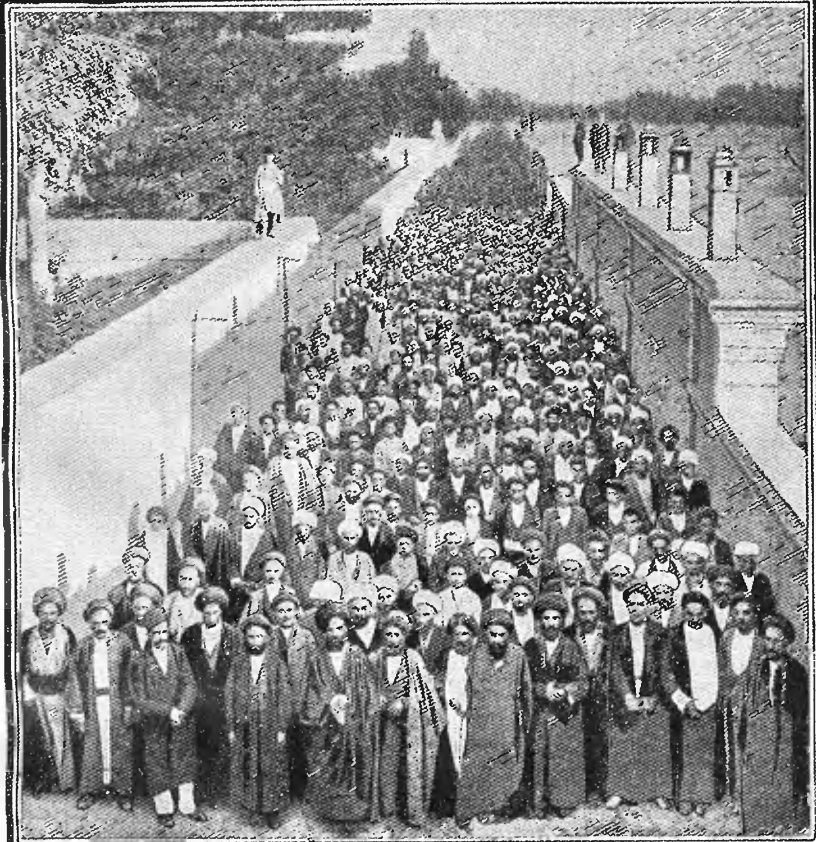
Остров Робинзона. Пещера Робинзона Крузе.

Дервишъ. Дворянинъ.
Типы персидскихъ избирателей.

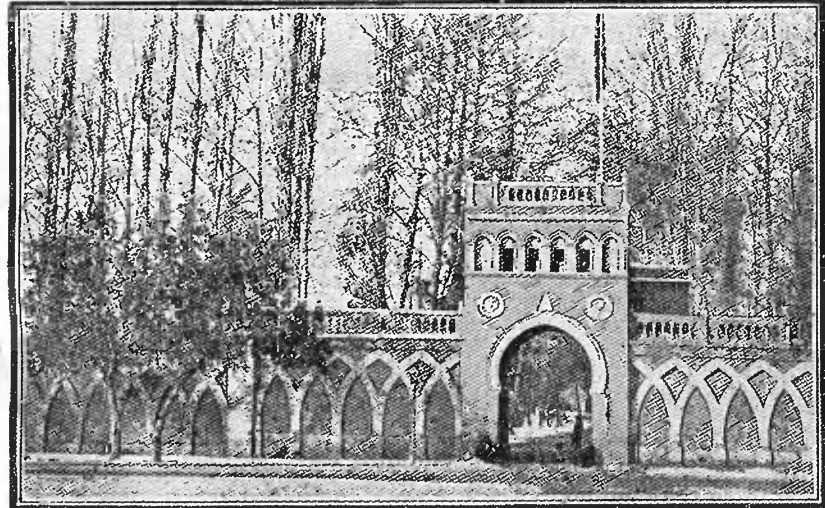
Павлиній тронъ въ тегеранскомъ дворцѣ шаха.
Отецъ нынѣшняго шаха.

Революціонные персы, собравшіеся въ аллеѣ британскаго посольства.

Музаферъ-Эддинъ, нынѣшній шахъ персидскій.

Входъ въ британское посольство въ Тегеранъ, гдѣ укрылось 7.000 бѣглецовъ.

Мирза Насрола-ханъ-эдь-Доуле, атабекъ и министръ иностранныхъ дѣлъ.

Землетрясение въ Финдебу.

Разсказъ Софуса Баудица.

(Съ датскаго).

— Мормоны? О нихъ теперь уже больше никто не говоритъ! Зато въ старые годы — я разумно то, что было лѣтъ двадцать тому назадъ и даже, пожалуй, больше — они были въ большой славі. Въ тѣ времена не было ни одного села безъ своего собственнаго пророка, не было ни одной канавы, въ которой не совершалось бы крещеніе.

Тотъ, кто говорилъ это, былъ вновь назначенный, сравнительно еще молодой, судья, а общество, къ которому онъ обращался, состояло изъ семи-восьми пасторовъ, которые, какъ и самъ ораторъ, были гостями престога; всѣ они послѣ обѣда собрались покурить въ кабинетѣ.

Пробствъ наморщилъ лобъ самымъ глубокомысленнымъ, теологическимъ образомъ и сказалъ, что, положительно, можно было бы порадоваться, если бы все мормонское безобразіе было со-всѣмъ прекращено; и такъ какъ онъ, повидимому, собирался развить и мотивировать это положеніе, то судья поспѣшилъ воскликнуть:

— Конечно, я совершенно согласенъ съ г. пробстомъ, тѣмъ болѣе, что, при всей моей скромности, я долженъ признать за собой заслугу въ дѣлѣ воспріятствования распространенію ученія мормоновъ въ цѣлой области. Какъ я приотставилъ распространеніе мормонизма? Видите ли, дѣло было такъ. У меня былъ дядя священникъ, т. е., въ сущности говоря, онъ вовсе не приходился мнѣ дядей, а былъ

крещеніе же новыхъ послѣдователей можно совершать въ любой канавѣ. И вотъ однажды, въ субботу, пришелъ ко мнѣ мой другъ Томасъ и сообщилъ, что онъ узналъ, будто Метта Мари будетъ окрещена вечеромъ въ большой канавѣ у поля деревенскаго старосты. Мы оба были того мнѣнія, что было бы прелестно посмотреть, какъ она будетъ погружаться въ воду канавы, и потому рѣшили потихоньку пробраться туда. Къ несчастью, дядя пришелъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я собрался уходить.

— Куда ты идешь? — спросилъ онъ.

— Такъ, нигуда, — отвѣтилъ я.

Это былъ глупый отвѣтъ съ моей стороны, а потому дядя отнесся къ нему неодобрительно и сказалъ, что не лучше ли мнѣ остаться дома, если мнѣ нигуда не нужно идти. На слѣдующій день я долженъ былъ идти въ церковь. Душа моя не была особенно благоговѣнно настроена, потому что всѣ мысли мои были поглощены тѣмъ, какъ я послѣ обѣда отправлюсь вѣстѣ съ Томасомъ ловить карасей; однако нѣкоторый интересъ къ церковной службѣ вдругъ пробудился во мнѣ, когда дядя въ проповѣди своей сталъ ясно намекать на ложныхъ пророковъ, которые, какъ волки въ овечьей шкурѣ, проникли въ его стадо. Ветхозавѣтнымъ, библейскимъ сюжетомъ сталъ онъ изображать, какъ земля разверзнется подъ ними и поглотитъ ихъ, какъ горы потрясутся и падутъ на нихъ, и пламя изыдетъ изъ пѣдръ земли. Мнѣ стало скучно, и я началъ шалить.

Абдуль-Маджидъ-здъ-Доуле,
бывшій атабекъ.

Ага-Сеидъ-Магометъ,
персидскіе первосвященники и вожди движенія.

Ага-Сеидъ-Абдуль.

просто старымъ другомъ моего отца, и такъ какъ онъ жилъ всего миляхъ въ двухъ отъ Рандерса, то совершенно естественно, что я проводилъ всѣ каникулы и многія воскресенія въ Финдебу; и я долженъ сказать, что тамъ я нашелъ поистинѣ второй отчий домъ. Всѣ мои лучшія воспоминанія дѣтства связаны съ домомъ пастора въ Финдебу, такъ что даже теперь я, сидя здѣсь, въ кабинетѣ г. пробста, не могу не вспоминать все время о своемъ дядѣ. Можетъ-быть, это происходитъ отчасти потому, что всѣ кабинеты во всѣхъ пасторскихъ домахъ у насъ до известной степени похожи другъ на друга. Простите меня, если я впаду въ лиризмъ, но письменный столъ съ лежащими на немъ церковными книгами, диванъ съ картинами надъ нимъ — все здѣсь вызываетъ во мнѣ воспоминанія о прежнемъ, все — до барометра включительно. Впрочемъ, вашъ барометръ — новомодный aneroidъ; у дяди, конечно, такого не было. У него былъ старый ртутный барометръ въ футлярѣ изъ чернаго дерева, источенномъ червями, съ хорошо всѣмъ известной печатной шкалой, которая начинается наверху словами: «Великая сушь» и кончается внизу «Землетрясеніемъ», а рядомъ, въ скобкахъ: «Лиссабонъ, 1755». Я, положимъ, не думаю, чтобы этотъ барометръ годился въ качествѣ предсказателя погоды, но дядя съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на него разъ десять въ день. Я помню, какъ однажды, послѣ долгаго созерцанія шкалы, я спросилъ у дяди, дѣйствительно ли произойдетъ землетрясеніе, если ртуть опустится до самаго нижняго дѣленія, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, я никогда не могъ избѣжать чувства явнѣе всего страха, когда столбикъ свѣзанаго металла начиналъ опускаться. Но я хотѣлъ разсказать вамъ о мормонахъ. Однажды вечеромъ, когда я, по обыкновенію, проводилъ свои каникулы въ Финдебу, — мнѣ было тогда лѣтъ десять, — много было разговоровъ о томъ, что двое изъ «святыхъ послѣднихъ дней» *) устраивали собранія въ нашихъ краяхъ и рассчитывали привлечь къ себѣ многихъ прозелитовъ. Я, конечно, въ сущности, не понималъ, въ чемъ было дѣло, но мнѣ постоянно приходилось присутствовать при тѣхъ невеселыхъ разговорахъ, которые дядя велъ со школьнымъ учителемъ Петерсономъ объ этомъ пагубномъ ученіи нашего времени; я видѣлъ, какъ онъ отправлялся на собраніе «пророковъ» со своей библіей подмышкой, чтобы громить ихъ, а отъ моего друга, подававшего большія надежды поднака Томаса, бывавшаго на этихъ собраніяхъ, я узналъ, что по ученію мормоновъ можно было имѣть много женъ,

дядя былъ милѣйшій человекъ на свѣтѣ и лучшій изъ всѣхъ дядей, когда-либо существовавшихъ, но за проповѣданіи его нужно было сидѣть смирно, и въ этомъ отношеніи онъ не допускалъ никакихъ любящихъ. Вслѣдствіе моего нецерковнаго поведения въ церкви, я былъ запертъ въ кабинетѣ вмѣстѣ съ катехизисомъ Лютера, изъ котораго мнѣ было приказано выучить хорошій кусокъ наизусть.

Я былъ глубоко уязвленъ. Я ушелъ у окна и съ горечью сталъ смотрѣть въ садъ. На горизонтѣ собирались облака; скоро небо стало похоже на простоквашу, и въ воздухѣ сдѣлалось такъ необыкновенно душно, что даже и думать было трудно. Въ концѣ концовъ мысли мои сосредоточились на томъ, какъ бы устроить какую-либо каверзу. Я сталъ осматриваться вокругъ себя, и взгляды мои упали на барометръ; мнѣ было строго запрещено дотрагиваться до него, и потому въ настоящій моментъ онъ показался мнѣ самымъ подходящимъ предметомъ для моихъ намѣреній. Я потрясъ его нѣсколько разъ, чтобы посмотреть, не пойдетъ ли ртуть вверхъ или внизъ, но этого не случилось: каждый разъ, какъ я ставилъ барометръ въ кофѣ, ртутный столбъ снова принималъ свое прежнее положеніе около «бурѣ и дождя». Вдругъ я замѣтилъ роковыя слова: «Землетрясеніе» (Лиссабонъ, 1755 г.), и тутъ же мнѣ пришло въ голову, что было бы недурно устроить маленькое землетрясеніе въ Финдебу: это было бы всѣмъ изъ полезно — дядѣ и мнѣ и остальнымъ! Но, какъ я уже раньше сказалъ, я никакъ не могъ заставить ртуть опуститься. Тутъ мнѣ пришла въ голову очень оригинальная мысль испробовать, — не удастся ли мнѣ цѣлномъ передвинуть печатную шкалу за стекломъ; это вѣдь должно было привести къ тому же результату. Дѣйствительно, это удалось: бумага совсѣмъ легко отдѣлилась отъ дерева, и я, послѣ нѣкотораго усилія, осторожно передвинулъ ее настолько, что верхушка ртутнаго столба оказалась какъ разъ на высотѣ землетрясенія въ Лиссабонѣ.

Едва я покопчалъ съ этимъ дѣломъ, какъ услышалъ шагъ, но все же успѣлъ засѣсть, съ катехизисомъ въ рукахъ, въ уголъ около письменнаго стола, прежде чѣмъ дверь отворилась, и вошелъ дядя въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ. Дядя сталъ говорить съ большой горячностью, повторилъ часть своей проповѣди — о волкахъ въ овечьихъ шкурахъ и о переворотѣхъ въ царствѣ природы — и подъ аккомпанементъ отдаленныхъ раскатовъ грома приближавшей грозы продолжалъ ораторствовать, сильно жести-

*) Такъ называютъ себя чермоны.

кудируя и быстро шагая по кабинету, въ то время какъ я принялся въ своемъ уголку разуждаться о концѣ міра и раснапаваться въ устроенномъ мною землетрясеніи.

— Да,— сказалъ дядя,—я повторю, что готовъ отвѣчать за каждое сказанное мною слово: ученіе, которое они проповѣдуютъ, есть ученіе антихриста, и я не удивился бы, если бы приблизился день страшнаго суда равнѣе, чѣмъ мы того ожидаемъ,—тотъ судный день, когда стихія придутъ въ смѣтеніе, и земля будетъ охвачена пламенемъ, и... Но что это значитъ?—вдругъ прервалъ свою рѣчь дядя и остановился передъ барометромъ.—Что это такое?—Тутъ онъ немного прихулилъ барометръ, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ, однако ртутный столбъ остался у Лиссабона, и въ тотъ же мигъ грянулъ страшный ударъ грома, самый близкій и сильный изъ всѣхъ остальныхъ.

— Развѣ это не есть знаменіе свыше?—воскликнулъ дядя:—указаніе на то, что слова свои я говорю не на вѣтеръ? Возвратитесь къ себѣ, мои друзья, поспѣшите къ своимъ семьямъ! На насъ надвигается буря—такая, какой никогда еще не было въ Визидею! Посмотрите, что здѣсь напечатано: здѣсь напечатано—«землетрясе-

ніе!»! Спѣшите къ себѣ домой! Слышите ли: судный день, можетъ-быть, ближе, чѣмъ мы предполагаемъ!

Когда они были уже за дверьми, дядя снова подошелъ къ барометру и совсѣмъ близко наклонился къ нему по своей близорукости.

— Это твои штуки, сударь,—вдругъ сказалъ онъ.—Ты расковырялъ барометръ! Ты, въ сущности, заслуживаешь строгаго наказанія за это, но,—прибавилъ онъ съ улыбкой:—на этотъ разъ сойдемъ: твоя шалость въ дашномъ случаѣ послужила на пользу! Ну, а теперь — давай, закроемъ всѣ окна, потому что гроза сейчасъ разразится надъ нашими головами!

Землетрясенія не случилось, но буря была ужасная. Молніи часто сверкали, громъ гремѣлъ, словно въ воздухѣ грохотали страшный артиллерійскій бой, а дождь лилъ съ такой силой, какъ если бы разорвался всѣ хлиби небесныя.

Вслѣдствіе ли сильныхъ аргументовъ дяди, или ожидаемое землетрясеніе было тому причиной—я, конечно, не могу сказать съ точностью, хотя я лично убѣжденъ, что здѣсь повліяло землетрясеніе,—достовѣрно только одно, что съ того дня нѣсенка жормоновъ въ Визидею была слѣгта: ни одной души они себѣ не завербовали.

Персидская конституція.

(Политическое обозрѣніе).

Переходъ къ конституціонному образу правленія въ странѣ Лива и Солнца представляетъ значительныя затрудненія. Если въ Китаѣ почва для преобразованій болѣе или менѣе подготовлена потрясающими воздѣйствіемъ поражений, понесенныхъ въ войнѣ съ Японіей, а также карательнымъ нашествіемъ европейскихъ державъ, унижившимъ національное чувство народа, то Персія, напротивъ, не прошла сквозь горнило тяжелыхъ предварительныхъ испытаний. Въ далекомъ прошломъ Китайъ зналъ и республиканскую форму правленія; въ японскихъ его сѣдой старины встрѣчаются даже указанія на переживаніе чисто-соціалистическаго строя. Къ тому же и при современномъ богдыханскомъ режимѣ онъ сохранилъ почти полную самостоятельность внутренняго самоуправленія деревенскихъ общинъ, представляющую собою какъ бы бытовой фундаментъ для высшихъ формъ общегосударственнаго самоуправленія, которому нисколько не противорѣчатъ ни общественные навики, ни религіозныя воззрѣнія народа. Не такъ обстоитъ дѣло въ Персіи. За тысячелѣтія своего существованія со времени Камбизова и Араксерксова она не знала иной формы государственнаго быта, кромѣ самой деспотической монархіи. Новая персидская государственность возродилась на смѣну старой при господствѣ Ислама, который далъ неограниченной власти шаха религіозное освященіе. Такимъ образомъ дѣйствительное осуществленіе конституціонной реформы въ странѣ можетъ встрѣтить огромныя затрудненія.

До сихъ поръ за требованіе конституціи высказалось только населеніе столицы Тегерана, просвѣщенное духовенство и торговопромышленный классъ, нашедшій поддержку въ англійскомъ консульствѣ и явѣ другихъ сознающихъ всѣ недостатки оживающаго свое время деспотическаго режима, который привелъ страну къ огромной задолженности, народной нищетѣ и унижительно-экономической зависимости отъ иностранцевъ.

Но естественное вырожденіе правдивно-одряхлѣвшаго императорскаго правленія далеко не обозначаетъ еще способности персидскаго народа къ республиканскому или конституціонному самоуправленію. Напротивъ того, разрушеніе хотя бы и архаической національной власти можетъ служить естественнымъ переходомъ къ установленію низвержнаго господства.

Несомненно такое энергичное участіе въ персидскомъ освободительномъ движеніи принимаютъ англійскіе консулы.

Чуть только въ ходѣ обѣщанныхъ преобразованій происходитъ какая-нибудь заминка, тотчасъ же, какъ по знаку дирижера, заправляются лавки, базаръ цѣтѣтъ, и вся тегеранская оппозиція направляется въ укрѣпленное помѣщеніе англійскаго консульства, гдѣ находятъ гостепріимный пріютъ, защиту и энергичную под-

Спиридонова, Биценко, Фіалка, Школьникъ, Измайловичъ, во время останова поѣзда на ст. Омскъ. Политическіе ссыльные на пути въ Сибирь. По фот. Геліоса, въ Омскѣ, алт. «Нивы».

Александр Займисъ, новый главный комиссаръ о. Крита.

власть, забывшая свои обязанности передъ народомъ, торопится продавать иностранцамъ послѣдніе остатки національнаго достоинства и щедрой рукой раздаетъ германскимъ, бельгійскимъ и австрійскимъ капиталистамъ всякія концессіи на постройку дорогъ, открытіе банковъ, разработку минеральныхъ богатствъ и т. д. Она уже не заботится о будущемъ, котораго у нея нѣтъ, а жадно ловитъ мимолетныя блага настоящаго, слѣдуя ложной мудрости нѣкоторыхъ западныхъ правителей революціонныхъ эпохъ: «послѣ насъ хоть потопъ». Лишенное возможности справиться «своими средствами» съ оппозиціей, нашедшей могущественную поддержку иностранцевъ, правительство идетъ на реформы, но не добровольно, а ведомое на арканѣ, и при каждомъ благоприятномъ случаѣ норовитъ повернуть назадъ, вызывая тѣмъ новыя демонстраціи, новыя закрытія базаровъ и новыя бѣгства непокоримыхъ передовиковъ подъ защиту англійскаго консула. Подъ вліяніемъ придворныхъ реакціонеровъ его величество шахъ персидскій сталъ колебаться въ подписаніи изготавленнаго особой комиссіей проекта персидской государственной думы и обнаружилъ поползновеніе остаться при прежнемъ режимѣ, но эта задержка снова привела Тегеранъ въ такое тревожное революціонное настроеніе, что новый саадразамъ, т. е. глава кабинета министровъ, и военный министръ, принужденны были вступить въ переговоры съ комитетомъ «партіи обновленія». Комитетъ обѣщалъ возобновить порядокъ въ столицѣ подъ условіемъ изгнанія изъ Персіи атабека, министра двора, начальника шахской охраны (дворцоваго коменданта), тегеранскаго губернатора и другихъ близкихъ къ его величеству сановниковъ, извѣстныхъ своими реакціонными симпатіями, при которыхъ осуществленіе преобразованій немислимо. Послѣ новой революціонной вспышки шахъ подписалъ законъ о конституціи и назначилъ посланника въ Лондонъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; требованіе объ изгнаніи реакціонныхъ сановниковъ не нашло поддержки въ англійскомъ консулствѣ. Соглашеніе вновь кое-какъ возобновилось, тегеранскій базаръ открылся, и Персія благополучно, при радостныхъ кликахъ столичной толпы, вступила въ новую эру исторіи.

Обнародованное положеніе о персидской государственной думѣ устанавливаетъ слѣдующія правила. Избирательнымъ правомъ пользуются всѣ грамотные персидскіе подданные мужского пола отъ 30 до 70 лѣтъ, не состоящіе на государственной службѣ. Персія раздѣлена на двѣнадцать округовъ; Тегеранъ составляетъ тринадцатый округъ съ шестьюдесятью депутатами. Число провинціальныхъ депутатовъ 96, а всего ихъ 156. Выборы, двухстепенные въ провинціи и прямые въ Тегеранѣ, производятся подачей бюллетеней, запечатанных въ конвертахъ; срокъ депутатскихъ полномочій двухлѣтній; депутаты пользуются неприкосновенностью, кромѣ случаевъ совершенія преступленій. Сочиненія и рчи ихъ свободны отъ цензуры, не исключаящей ответственности передъ судомъ въ случаяхъ оскорбленія религіи, нравственности и общественнаго порядка. Депутатское вознагражденіе предоставлено усмотрѣнію думы. Президентъ, два вице-президента, четыре секретаря избираются на годъ. Дума открывается немедленно послѣ избранія депутатовъ отъ Тегерана, не ожидая провинціальныхъ выборовъ. Первое засѣданіе состоится подъ предѣлательствомъ шаха.

«Въ видахъ сохраненія нераздѣльности, самостоятельности и національнаго развитія Персіи», комиссія, вырабатывавшая избирательный законъ, ввела ограниченіе, въ силу котораго избирательный голосъ предоставляется только грамотнымъ гражданамъ, исповѣдующимъ государственную религію и не принадлежащимъ къ сектамъ. Но едва ли подобными ограниченіями можно сохранить самостоятельность націи. Политически умирающіе народы одинаково равнодушно спятъ правленіе злыхъ монарховъ, отдающихъ

ихъ въ кабалу иностранцамъ, и общественныхъ дѣятелей, дѣйствующихихъ въ союзѣ съ иностранными консульствами.

Отличительною особенностью персидской конституціи является сравнительно малое участіе въ ней народа и преобладающая роль столичнаго населенія. Почти $\frac{2}{3}$ голосовъ будущей государственной думы принадлежатъ гражданамъ Тегерана. Они, разумѣется, заслужили такое первенство, потому что вынесли на своихъ плечахъ все революціонное движеніе, но само по себѣ столь неравномѣрное раздѣленіе гражданскихъ правъ между однимъ городомъ и всей страной, невиданное ни въ одной конституціи міра, глубоко противорѣчитъ основнымъ принципамъ конституціоннаго строя. Оно знаменуетъ, что Персіей будетъ править уже не шахъ, но и не персидскій народъ, а тегеранскіе торговцы. Хорошо ли они справятся съ своею задачею, будетъ ли доволенъ ихъ правленіемъ обойденный въ гражданскихъ правахъ персидскій народъ—покажетъ будущее. Сейчасъ мы не видимъ еще достаточныхъ основаній для слишкомъ мрачныхъ пророчествъ англійскаго корреспондента, предсказавшаго наступленіе анархіи, но коренныя аномаліи персидской конституціи заставляютъ сомнѣваться въ томъ, что конституціонная жизнь воспитаннаго въ тысячелѣтнемъ деспотизмѣ персидскаго народа пойдетъ такъ гладко и безболѣзненно, какъ она протекаетъ на родинѣ культурныхъ англо-саксовъ.

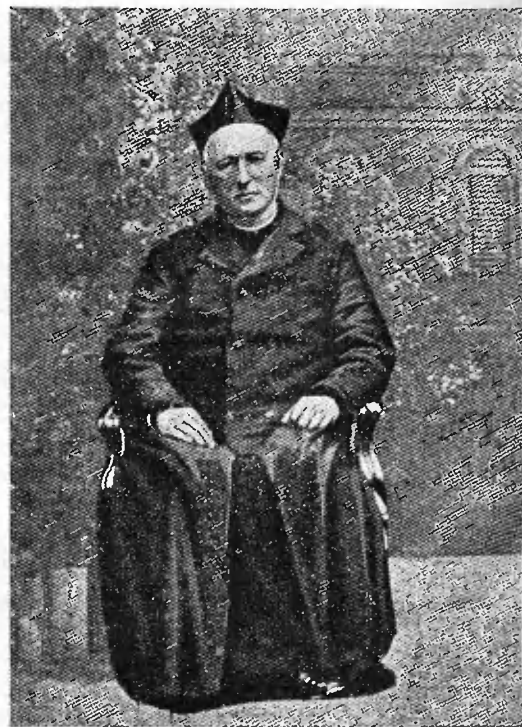
Александръ Займисъ. (Портр. на этой стр.).

Тяжелая и неблагодарная должностъ главнаго комиссара острова Крита, за отказомъ королевича Георгія, перешла въ руки извѣстнаго греческаго государственнаго дѣятеля, Александра Займиса.

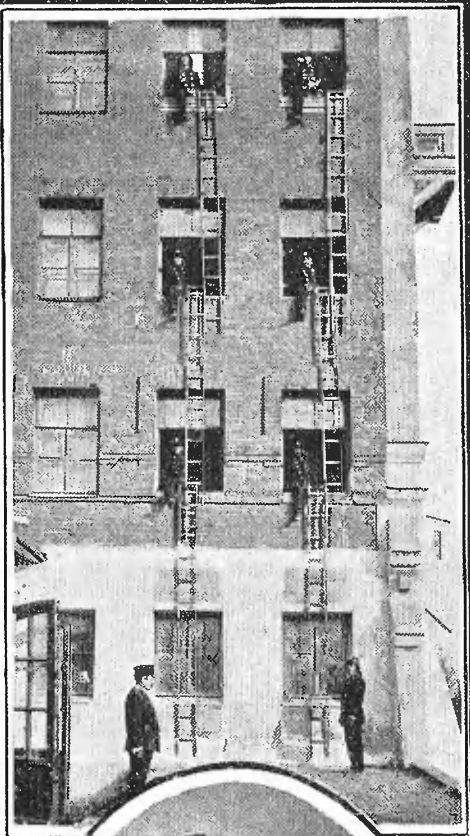
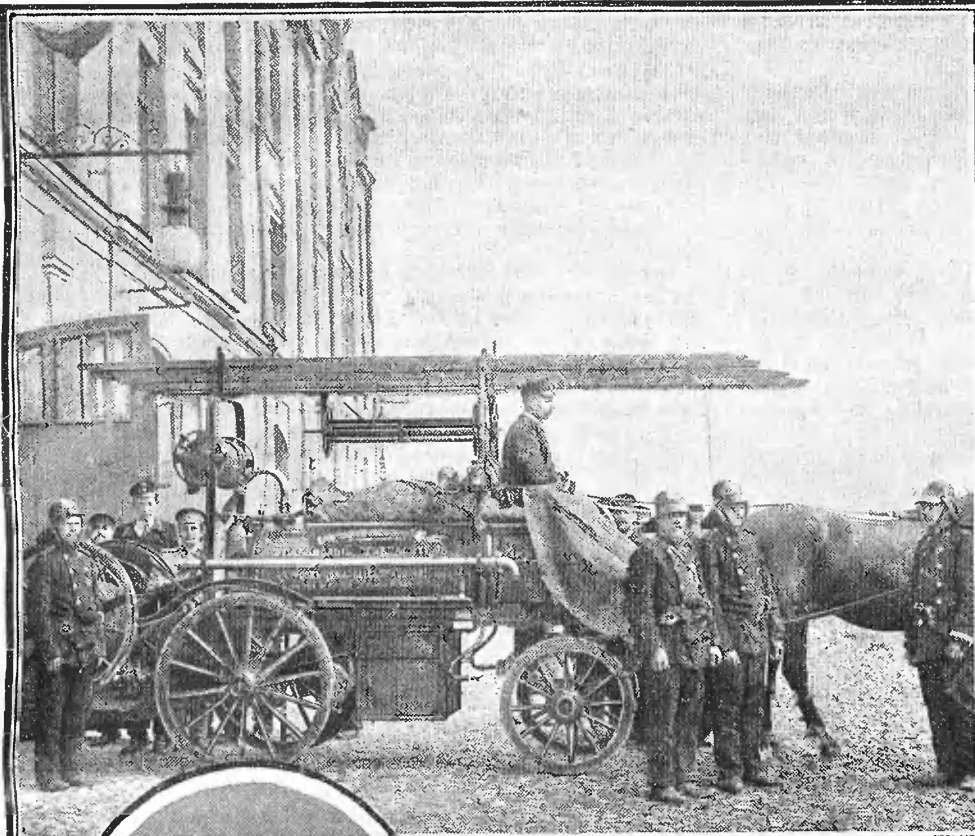
Александръ Займисъ пользуется широкой популярностью въ греческихъ политическихъ сферахъ. Онъ родился въ 1855 году, воспитаніе получилъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, превосходное, прослушавъ курсъ наукъ въ университетахъ аѳинскомъ, лейпцигскомъ, берлинскомъ и гейдельбергскомъ и въ парижской Ecole des Sciences politiques. Въ 1887 и въ 1890-хъ годахъ А. Займисъ былъ избранъ депутатомъ въ греческій парламентъ отъ областей Ахайи, Элиды и Калавриты, а позднѣе продолжалъ свою политическую дѣятельность уже въ составѣ министерскаго кабинета, будучи въ разное время министромъ юстиціи, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ онъ былъ президентомъ парламента, а послѣ несчастной для грековъ войны съ Турціей, когда наемъ министровъ Деліаннуса, онъ былъ приглашенъ на постъ министра-президента, и ему было поручено образовывать новый кабинетъ. И это былъ въ жизни Займиса не единственный случай: въ 1901 г. взыскнувшись пресловутые безпорядки изъ-за перевода свателіи на народный языкъ; разо министерство Теотокиса, и Займисъ вновь получилъ должностъ премьеръ-министра и приглашеніе составить кабинетъ.

Какъ премьеръ-министръ, Займисъ въ обоихъ этихъ случаяхъ оставилъ по себѣ добрую память. Будучи строгимъ консерватормъ, онъ пользовался одинаковыми симпатіями и въ народѣ и при дворѣ. Не мѣшаетъ упомянуть при этомъ, что Займисъ—единственный изъ греческихъ политиковъ, который представилъ королю подробную программу управленія и опубликовалъ ее въ правительственной газетѣ.

Назначеніе Займиса главнѣйш. комиссаромъ острова Крита вызвало, какъ извѣстно, нѣкоторыя политическія осложненія. Порта заявила даже протестъ противъ этого назначенія. Однако 30 (17) сентября представители остальныхъ, заинтересованныхъ въ судѣ Крита, державъ официально утвердили Займиса въ его новомъ званіи, и такимъ образомъ Критъ получилъ и преемника королевичу Георгію новаго греческаго же правителя.

Новый генераль іезуитскаго ордена Францъ-Ксаверій Верньеръ.

Новый прибор для тушения пожаров "углекислый огнегаситель": помощью жидкой углекислоты, впускаемой в резервуар с 50 ведрами воды, он нагнетает воду и выкидывает ее до 7-го этажа; наверху штурмовая лестница.

Упражнения со штурмовыми лестницами и способ их передачи из одного этажа в другие.

"Дымовая маска", позволяющая входить в помещения с едким и удушливым дымом. Свежий воздух накачивают ручными мѣхами через неогораемый рукав. Пожарный (фигура слева) соединяется разговорным телефоном по той же трубѣ.

Паровая машина на три рукава. Струя воды достаетъ до 7-го этажа

Образцовая пожарная команда въ С.-Петербургѣ. По фот. В. Полонскаго, арт. «Иппы».

Черный папа. (Портр. на стр. 638).

В католическом мире Западной Европы произошло крупное событие: в Рим избран новый «черный папа».

Такое название носит генерал иезуитского ордена. Название неофициальное, но очень милое, потому что для иезуитов их генерал является действительно титлом же, чем является папа для католиков вообще. По категорическому требованию орденского устава, члены ордена должны видеть в своем генерале самого Иисуса Христа и обязаны предоставить Провидению, в лице генерала, так управлять ими, «как» будто бы они были трупами.

Черный папа, таким образом, до некоторой степени конкурирует с обычным папою. Неудивительно поэтому, что избрано поном иезуитского генерала привлекало к себе живейший интерес католиков всех национальностей.

Первым генералом иезуитского ордена был знаменитый Игнатий Лойола, учредивший его в 1534 году специально для «борьбы против адских чудовищ и порождений сатаны, на служение Богу и на совершение подвигов ad maiorem Dei gloriam». С той поры и доныне значение и привилегии генералов почти не изменились, и преемники Лойолы пользуются все теми же правами брать в свои руки «волю, совесть и силы» каждого иезуита и распоряжаться им, как трупом.

Иезуитский папа избирается так называемой генеральной конгрегацией ордена, причем избирается с теми же привилегиями, что и папа. Папа-генерал избирается пожизненно.

Нынешний новый генерал иезуитского ордена, Франц-Ксаверий Верниц, по происхождению немец, и его победа на выборах объясняется преобладанием в настоящее время германского влияния в Ватикане. Ф. Верниц родился в 1842 г. в Роттсвиле (Вюртемберг); он считается одним из выдающихся знатоков канонического права и с 1883 года занимал профессорскую кафедру в папском грегорианском университете. С 1894 года он состоял в то же время и ректором названного университета.

Избрание нового «черного папы» происходило в Риме в начале сентября и было обставлено большой торжественностью.

Образцовая пожарная команда.

(См 5 рис. на стр. 639).

Пожарное дело у нас в столице стоит не Бог весть как высоко в сравнении с европейскими городами. Но надо отдать справедливость петербургскому городскому самоуправлению: оно принимает весьма радикальные меры к улучшению и упорядочению противопожарной организации.

В настоящее время в Петербурге основаны, по инициативе самого города, «курсы пожарных техников», имеющие целью подготавливать толковых и в совершенстве знающих свое дело борцов с огнем: пожарных техников, брандмейстеров и т. п. Курсы помещаются в специальном здании на углу Лиговки и Обводного канала. Здесь при курсах имеются пожарный музей, библиотека, лаборатория, испытательная станция и образцовая пожарная команда.

Эта последняя дает возможность слушателям курсов узнать и испытать на практике все усовершенствования в пожарном деле. В то же время эта команда является как бы ячейкой, из которой впоследствии разовьется целая организация. Со временем вся городская пожарная команда будет пересоздана по этому типу.

Образцовая команда создана под наблюдением известного специалиста по пожарному делу, Ф. Я. Ландсена, который неоднократно выезжал за границу, чтобы ознакомиться там со всеми новейшими усовершенствованиями в пожарной технике.

Команда набрана из наиболее опытных и толковых пожарных и снабжена лучшими машинами и приспособлениями, представляющими последнее слово в пожарном деле. Так, в команде имеются: «углекислый огнетушитель», новая механическая лестница, «дымовая каска», банья-каланча и т. д.

«Углекислый огнетушитель» действует помощью жидкой углекислоты, которая находится в двух цилиндрах позади кожаного резервуара с 50 ведрами воды. Огнетушитель всегда готов к употреблению, и для приведения его в действие достаточно нажать рычаг. Под напором углекислоты вода бьет тогда из рукава до крыши самого высокого дома, и действие огнетушителя продолжается целых 6 минут, т. е. время, в течение которого успевает изготовиться паровая машина. Тогда поворотом рычага рукав огнетушителя быстро переводится на паровую машину, и даже струя воды не прерывается.

Повышенная механическая лестница дает возможность взбираться по ним для спасения погибающих даже в 7-й этаж. Лестницы эти очень устойчивы и стоят в воздухе, не касаясь стень горющего здания.

Чрезвычайно оригинальна и практична «дымовая каска». Каски эти теперь в большом ходу в Германии, и мы в свое время уже говорили о них на страницах «Нивы» (№ 5, 1904 г.). Дымовая каска имеет вид водолазного шлема. Воздух в нее накачивается ручными мехами через песторасный рукав. Выдыхаемый же воздух выходит в особый клапан наверху каски. Тот же рукав служит для разговора (при помощи особого телефона). «Дымовая каска» является совершенно незаменимой во всех случаях, когда надо входить в помещения, наполненные дымом и газами.

Банья-каланча, кроме наблюдения, служит еще и для просушки рукавов. При ней устроены ванны для пожарных и автоматическая сушилка для просушки их мокрого платья. Изменена и одежда пожарных: вместо традиционного медного шлема употребляется легкая кожаная каска с напеченными. Легкая тулупка очень удобна и не мешает работ. Широкий кожаный пояс с крючками позволяет зацепляться за лестницу или выступ окна, и тогда оба руки свободны для работы.

Сигнализация и вызов устроены чрезвычайно практично: пожарные при первой же тревоге спускаются из своих помещений (из 3-го этажа) не по лестницам, а по гладким вертикальным лестам. Запирка и вызов производится почти моментально.

Экономическое положение «образцовых пожарных» очень недурное (25—35 р. при всем готовом). Одно для них неприятно: им запрещается жениться, пока они состоят на службе.

Эскиз Г. Семирадского.

(Рис. на стр. 632).

Эффектная кисть знаменитого художника Генриха Семирадского хорошо знакома всем любителям живописи. Такие картины, как «Христос и грешница», «Святой Нерона», «Дирея», «По призыву богов» и т. п. стоят у нас пред глазами. Гораздо менее известны эскизы и карандашные наброски Семирадского. Один из таких эскизов мы воспроизводим в настоящем номере нашего журнала.

Этот эскиз относится к ранней эпохе художественной деятельности знаменитого польского мастера (к 60-ым годам) и изображает известную библейскую сцену моисеевых чудес пред Фараоном. Невольно обращает на себя внимание тонкое изящество, строгость рисунка и археологическая точность обстановки и аксессуаров изображаемой сцены. Талант, как солнце, отражается не только в океане, но и в маленькой капле. Эта избитая, но тем не менее вечно-живая истина ясно сказывается на примере данного случая. Вспоминается и другая такая же истина: у великого художника не бывает мелких произведений.

Головка Фр. Штука. (Рис. на стр. 625).

Среди современных немецких художников замтно выделяется своим высшей степени своеобразным талантом Франц Штук. Долгое время большая публика относилась к нему с подозрительностью, причисляя его к малю понятным ей «декадентам». Повод к этому дали некоторые фантастические картины Штука. Но в этих «декадентских» картинах было так много здоровой мысли и яркой поэтической фантазии, что нельзя было не отметить имя художника особым вниманием.

Воспроизводимая нами головка, принадлежащая кисти Штука, является очень типичной для его яркого и выразительного таланта.

Содержание.

ТЕКСТ: На немецкой слободѣ. Историческая повесть А. Осипова. — Чилийская катастрофа. — Землетрясение въ Виндхеду. Разсказъ Софуса Баудица. — Персидская конституція. (Политическое обозрѣіе). — Александръ Займистъ. — Черный папа. — Образцовая пожарная команда. — Эскизъ Г. Семирадскаго. — Головка Фр. Штука. — Объясненіе.

РИСУНКИ: Головка. — Глухая осень. — Табунъ, преслѣдуемый чужую лошадь. — Эскизъ. — Островъ Робинзона. 1) Холмъ служившій Робинзону Крузе (Алекс. Селькирку) сторожевой вышкой. 2) Бухта Кумберленда. 3) Пещера Робинзона Крузе. — Персидская конституція (4 рисунка и 6 портретовъ). — Политическіе сильныя на пути въ Сибирь. — Александръ Займистъ. — Новый генералъ іезуитскаго ордена Францъ-Ксаверій Верницъ. — Образцовая пожарная команда въ С.-петербургѣ (5 рисунковъ). — Симбирскій губернаторъ генералъ-майоръ Константинъ Сократовичъ Старинкевичъ.

Къ этому № прилагаются: 1) «Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія» за октябрь 1906 г., 2) «ПАРИЖСкія МОДЫ» за ОКТЯБРЬ 1906 г. съ 31 рис. и отдѣлн. листъ съ 32 черт. выкр. въ натур. велич. и 37 рис. для вышиванія.